

пудов зерновых, 2781,5 тыс. пудов травяного фуража, 337,4 тыс. пудов мяса, 27,7 тыс. пудов овощей и 33 тыс. пудов сухофруктов — в несколько раз больше, чем в 1918—1919 гг.²²

Политика «военного коммунизма» осуществлялась и в области распределения продовольствия и товаров широкого потребления. 26 июля 1918 г. ТуркЦИК потребовал от продорганов республики обеспечить «равномерное распределение всех видов продовольствия между широкими пролетарскими массами русских и мусульман»²³. Большевицкая фракция Самаркандского Совета также требовала распределения всех продуктов «на равных началах между русским и мусульманским пролетариатом всей Самаркандской области»²⁴.

Местные партийные организации и Советы осуществляли централизованное нормированное снабжение населения на основе социалистического принципа: «Кто не работает, тот не ест». 4 июня 1919 г. ТуркЦИК принял декрет «О хлебном классовом пайке». В середине 1920 г. на основе декрета ЦИК и СНК ТАССР от 15 июня 1920 г. было введено твердое нормированное снабжение населения по классовому принципу не только хлебом, но и мясом, «крупой, овощами, сухофруктами, чаем, солью и маслом»²⁵. Эти декреты широко применялись в Самарканде и области²⁶.

Широко была развернута помощь голодающим. При Советах создавались отделы по борьбе с голодом, которые открывали общественные столовые, занимались трудоустройством голодающих и т. д. Например, Каттакурганский уездный отдел по борьбе с голодом открыл два приюта для детей голодающих, питательные пункты в городе и 7 волостях, организовал из числа голодающих две сельскохозяйственные артели и две мастерские²⁷.

Чрезвычайные меры были приняты и по линии мобилизации трудовых ресурсов, прежде всего на основе введения всеобщей тру-

довой повинности. 4 ноября 1918 г. Исполком Самаркандского городского Совета, обсудив вопрос о введении обязательной трудовой повинности, избрал комиссию для выработки совместно с Самаркандским обкомхозом приказа и плана привлечения буржуазии к трудовой повинности²⁸. II съезд Советов Самаркандской области (декабрь 1918 г.) определил введение трудовой повинности как одну из важных мер по подъему народного хозяйства²⁹.

Трудовая повинность стала осуществляться также в районах области. Так, 20 мая 1918 г. вопрос о трудовинности был обсужден на заседании Исполкома Каттакурганского уездного Совета. Исполком постановил: «Привлечь всю буржуазию к черным принудительным работам»³⁰.

Трудовая повинность, обязательная для всех слоев населения, здесь, как и повсюду, стала широко практиковаться с 1920 г. на основе декрета СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» и принятого в соответствии с ним приказа ТуркЦИКа от 3 июня 1920 г. Летом 1920 г. в Самаркандской области были образованы областной и уездные комитеты по трудовинности³¹, под руководством которых к октябрю 1920 г. было мобилизовано и направлено в различные отрасли народного хозяйства: в Самарканде — 400 человек, в Каттакургане — 110 и т. д.³² Всеобщая трудовая повинность применялась и в кишлаках области. 27 июля 1920 г. по этому вопросу был издан специальный приказ СНК ТАССР.

Эти и другие чрезвычайные мероприятия, связанные с политикой «военного коммунизма», позволили максимально мобилизовать материальные и трудовые ресурсы области, как и всей страны, на защиту Советской власти в тяжелые годы иностранной интервенции и гражданской войны.

Р. А. Нуруллин

²² ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 232, л. 1.

²³ Там же, д. 175, л. 31.

²⁴ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 4, л. 51—52.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 65, л. 17.

²⁶ Там же, д. 136, л. 3.

²⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 68, оп. 1, д. 90, л. 24—25; Самаркандский облгосархив, ф. 151, оп. 6, д. 4, л. 145.

²⁸ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 5, л. 97.

²⁹ Там же, д. 3, л. 1—24.

³⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 112, л. 77.

³¹ Там же, д. 1109, л. 2—11; ф. Р-35, оп. 4, д. 46, л. 8, 9.

³² Там же, д. 23, л. 63; д. 15, л. 2; ф. Р-39, оп. 1, д. 311, л. 133; Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 635, л. 2—5.

РАВАТХОДЖИНСКАЯ ПЛОТИНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОРОШЕНИЯ САМАРКАНДСКОГО ОАЗИСА

Территория Самаркандской области почти полностью расположена в бассейне р. Зарафшан, которая служит здесь основным

водным источником. Один из главных водных узлов Самаркандского оазиса — Верхне-Зарафшанский расположен в местности

Рават-Ходжа (в 30 км ниже г. Пенджикента). В исторических источниках X в. эта местность называется «Варагсар», т. е. «Головная плотина».

По сведениям анонимного автора географического сочинения «Худуд ал-Алам» (80-е годы X в.), «под Варагсаром находился вододельщик Самарканда. Местность эта случайно была выбрана древними ирригаторами. Когда для устройства головы канала Даргом. Во-первых, здесь Зарафшан имеет не более 200 м в ширину, а выше и ниже пойма его резко расширяется, местами до 2 км. Во-вторых, река в этом месте имеет очень устойчивые берега, причем левый берег представляет собой конгломератный массив высотой более 15 м.

О значении Даргомской плотины свидетельствует уже тот факт, что, как видно из исторических источников, правители Самарканда или Бухары неоднократно лично возглавляли работы по ремонту этой плотины. Так, по словам Хафиза Таниша Мирмухаммада Бухари, автора исторического сочинения «Абдулла-намэ», в 1556 г. для исправления плотины в Рават-Ходжу прибыл правитель Самарканда Науруз Ахмадхан¹. В 1753 г. эту плотину исправлял бухарский воститель Рахимбий².

Еще в X в. надзор за плотинной был введен (в качестве натуральной повинности) жителям Варагсара, освобожденным за это от хараджа. По описанию автора сочинения XII в. «Кандий», население Варагсара насчитывало тогда 40 тыс. человек³. Правители древнего Согда придавали важное значение обеспечению обороны Варагсара. Они всячески старались удержать эту местность в своих руках в периоды феодальных смут и нашествий иноземных захватчиков, ибо здесь был расположен главный водный узел левобережной части Самаркандского оазиса и это был основной подступ к Самарканду. Овладев данной местностью, можно было лишить Самарканд воды и тем самым заставить самаркандцев покориться.

Иноземные захватчики, а также местные феодалы, посягавшие на Самарканд, не раз пытались разрушить плотину Варагсар. Например, по данным историка X в. Табари, в 721 г., когда поднялось антиарабское восстание согдийцев, наместник Хорасана Саид Хусейн (720—721) пытался закрыть голову Даргома, чтобы лишить воды Самарканд и его окрестности⁴. Однако согдийцы стойко защищали Варагсар.

Другой наместник Хорасана Асад ибн Абдуллах (735—739 гг.) в 736 г., выступив на подавление антиарабского движения в Мавераннахре, предпринял поход в Са-

марканд, но не сумел овладеть им силой. Тогда он решил лишить население города воды и перекрыл плотину Варагсар. По словам Табари, Асад принял личное участие в этих работах. Но и этому наместнику Хорасана не удалось лишить согдийцев воды и овладеть Самаркандом⁵.

Вот почему местность Варагсар еще в раннем средневековье была превращена в мощную крепость, остатки которой частично сохранились до наших дней. Древние правители Согда всегда держали здесь крупные военные силы. По данным Насафи, в Варагсаре находилось до 4 тыс. конных и 12 тыс. пеших воинов⁶. В XV в. в крепости Рават-Ходжа жил даруга — военачальник тумения.

По исследованию В. В. Бартольда⁷, в этой местности был захоронен мусульманский ходжа Абу Захори Варагсари и Ходжа Захори Варагсар, а потому поселок Варагсар впоследствии стал называться «Рават-Ходжа».

Летом 1967 г. археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемый Я. Г. Гулямовым⁸, обследовал местность Рават-Ходжа, выявив при этом четыре памятника, связанных с обороной древнего Варагсара. Из них особое значение имела крепость Рават-Ходжа, как пост наблюдения за плотинной и оборонительный пункт, защищавший ее от врагов.

Верхняя часть каналов Янги, Казан и Даргом в прошлом представляла собой отдельное русло Зарафшана. По правую сторону его на протяжении 2 км был устроен ряд дамб из хвороста, камыша, соломы и гальки. Пропуск воды из левого рукава Зарафшана в верхнюю часть Даргома регулировался временными дамбами, которые требовали круглогодичного наблюдения и ремонта.

Для избежания этих постоянных работ и обеспечения надежного и правильного снабжения водой лево- и правобережных каналов в конце XIX в. был возбужден вопрос об устройстве здесь постоянного вододельщика.

Вопрос о постройке вододельщика для Верхне-Зарафшанского узда в 1900 г. был поднят известным ирригатором инженером Н. П. Петровским. Однако он тщетно доказывал царским властям необходимость создания на Зарафшане капитального сооружения.

В 1913 г. инженер К. С. Савицкий составил свой проект устройства вододельщика. Местом для постройки плотины было удачно выбрано сужение Зарафшана у Рават-Ходжи. Проект был утвержден, но

¹ История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 286.

² Там же.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Т. Кадирова. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане, Ташкент, 1965, стр. 53.

⁵ История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 125.

⁶ Там же.

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1963, стр. 186.

⁸ В составе отряда участвовали ст. н. с. А. Мухамеджанов, Э. Ходжиев, мл. н. с. М. Тагиев и др.

осуществить его полностью не удалось. Хотя к 1917 г. вододелитель представлял собой внешне солидное сооружение из камня, бетона и железа, он не был оборудован шитами и подъемными механизмами.

Вододелитель общей длиной 19,7 м имел пять отверстий, разделенных бетонными быками толщиной по 2 м³. Все отверстия работали по принципу лобового водозабора. Два крайних из них, выполнявших роль шлюзов-регуляторов (шириной 29,3 и 39,1 м), должны были забирать воду в левобережный (72 м³/сек) и правобережный (115 м³/сек) каналы⁹.

Плотина вместе с регуляторами была рассчитана на пропуск максимального расхода реки 600 м³/сек при общем подпоре 1,94 м. С правой стороны к плотине примыкала струенаправляющая дамба из разно камня длиной 1785 м.

Доверившись недостаточно точным гидрометрическим наблюдениям на Дуңулинской станции за период 1900—1913 гг., автор проекта допустил грубую ошибку — он не учел в расчетах коэффициент запаса. В результате технических недостатков и неумелого надзора за сооружением летом 1921 г. с вододелителем произошла катастрофа.

В том году прошел сильный паводок с расходом 714 м³/сек. Перед плотинной образовался подпор, равный, по рассказам очевидцев, 3,5—4 м. Пролеты между стойками загромодились плывшими деревьями, кустарником, камышом и травой. Часть пролетов еще до паводка была закрыта внизу шандорами. В этих весьма неблагоприятных условиях плотина начала разрушаться. Два средних быка плотохода были разрушены и унесены водой, два крайних быка шлюзов регуляторов подмыты, правобережная дамба прорвана.

В целях упорядочения водопользования в верхней части Зарафшанской долины в 1923 г. была выдвинута проблема сооружения Верхне-Зарафшанского узла, и в 1924 г. органы Водхоза организовали в Самарканде изыскательские и проектные работы.

В 1926 г. группа специалистов под руководством инженера И. И. Леви разработала новый проект строительства инженерной плотины с двумя регуляторами. Узел в районе Разат-Ходжа должен был стать основным распределителем в ирригационной системе долины.

Согласно проекту, здесь брали начало левобережный магистральный канал Янги-Даргом, с подкомандной площадью 125 тыс. дес. и правобережный магистральный канал с подкомандной площадью 105 тыс. дес. Вся орошаемая площадь в

долине (включая пар и перелог) равнялась 500 тыс. дес.

Строительство плотины началось в ноябре 1926 г., а завершилось 1 мая 1929 г., и ей было присвоено название Первомайской.

Общая длина плотины составляла 223 м; при полностью открытых промывных шлюзах она способна была пропустить расход воды в реке до 1350 м³/сек.

Она вступила в эксплуатацию в 1930 г., когда был окончен постройкой левобережный Янги-Даргомский канал. Вода Зарафшана начала поступать в канал через специальный тоннель длиной 511 м.

Плотина им. 1 Мая стала первым крупным гидротехническим узлом, построенным при Советской власти.

Осенью 1934 г. «Узводстрой» и колхозники Булунгурского, Джизакского, Галля-Аральского районов общими усилиями построили правобережный канал Янги-Мирза, а в 1939 г. скоростными методами народных строек был проведен правобережный Большой Зарафшанский канал пропускной способностью до 110 м³/сек¹¹.

Это сразу изменило условия работы плотины. Каналы Тюя-Тартар, Катта-и Кичик-Тайлак были переключены на питание от плотины им. 1 Мая; 60 тыс. га земель Булунгурского, Джизакского и Галля-Аральского районов были застрахованы от капризов Зарафшана. Постройка Верхне-Зарафшанского узла облегчила водопользование на площади 170 тыс. га орошаемых земель и позволила урегулировать пропуск воды в низовья — в Бухарский оазис.

Самаркандский оазис принадлежит к важнейшим сельскохозяйственным зонам. Здесь развиваются высокоценные сельскохозяйственные отрасли: хлопководство, виноградарство, рисоводство, табаководство, шелководство, каракушеводство.

Рост хлопковых площадей, наряду с общим ростом площади орошения в Зарафшанской долине, значительно повысил спрос на оросительную воду.

Между тем плотина им. 1 Мая, прослужив около 30 лет, изрядно поизносилась. Отсутствие шитовых устройств, заиливание верхнего и нижнего быфов и другие недостатки стали затруднять регулировку и подачу зарафшанской воды в каналы Даргом и Правобережный.

Таким образом, возникла необходимость в реконструкции плотины. Проект ее был составлен под руководством инженера Т. С. Генкузена. Работы по реконструкции начались осенью 1960 г. и продолжались до 1965 г. За это время плотина была полностью реконструирована: через нее построен проезжий и служебный мост, установлено 13 металлических штиков, подъем и опускание которых осуществляются нажатием кнопок управления. Построены струенаправляющие и подпорноукрепительные дамбы. Вся плотина наращена на 2,6 м.

⁹ Архив треста «Средазгипроудхлопок», инв. № 790, л. 209.

¹⁰ А. А. Жимский. Водозаборные плотины на реках Средней Азии, М., 1965, стр. 11.

7—175

¹¹ Архив САНИНРИ, л. 300, л. 2.

При реконструкции выполнено 22,5 тыс. м³ земляных работ, в тело плотины и других сооружений уложено свыше 17 тыс. м³ бетона и железобетона, более 600 т стальных и чугунных плит и металлоконструкций. На работах использовалась мощная современная техника — тракторы, бульдозеры, автокраны, экскаваторы и др.

Реконструкция плотины позволила оросить 52 тыс. га новых земель, улучшить водоснабжение староорошаемых площадей,

избавиться от тяжелых работ по водозабору и водораспределению в каналах Даргом, Казан, Янги, Иллак, Рахмат-Абад, Тую-Тартар, Булунгур и т. д.

Все это повысило народнохозяйственное значение Раватходжикской плотины в орошении Самаркандского оазиса — одного из важнейших экономических районов УзССР.

М. Тагиев

ИЗ ИСТОРИИ САМАРКАНДА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

В 20—40-х годах XVIII в. в результате феодальных усобиц, нашествия кочевников и иранских захватчиков Самарканд, как известно, пришел в полный упадок и запустение. Лишь со второй половины XVIII в. начинается восстановление города, ремонт и расширение ирригационных сооружений. К началу XIX в. жизнь в Самарканде входит в нормальное русло и город начинает расти, расширяясь к югу и юго-западу.

Постепенно развивались торговля, ремесло и культура, причем источники свидетельствуют о концентрации торгово-ремесленных заведений в руках феодалов, которые занимались и ростовщичеством.

До образования 24 новых гузаров (кварталов) в 60-е годы XVIII в. в Самарканде насчитывалось около 10 тыс. жителей. Основными гузарами города были Факи-Абубайсе (IX—XI вв.), Джакардиза, или Чакардиза (X—XI вв.), Новадон (X—XI вв.), Гатифар (X—XI вв.), Сузангарон (XII в.), Дари-Занжир (конец XIV в.), Махтуми-Хоразм (XV в.), Мирзо-Пулот (XV в.), Казн-Калон (XV в.), Корабой-оксакол (XV в.), Зингарон (XV в.), Кош-Хауз (XV в.), Ходжа-Зудмурод (XV в.), Ходжа Юсуф (XV в.). Кроме гузаров Новадон и Гатифар, все они продолжали существовать до начала XX в., причем на месте гузара Сузангарон возникло несколько новых кварталов.

По приказу Шах-Мурата, в 70—80-х годах XVIII в. началось насильственное переселение в Самарканд жителей других городов Средней Азии, и в бывшем Сиабском районе возникло 24 новых гузара: Заминан, Ямини, Куль-Тенаги, Ялангбек, Каварзор, Урметани, Имом-Восе, Муборак, Кул-Обод, Дахбеди, Ходжанди, Кашкари, Шайх-ул-Ислом, Ходжа Латиф, Маддохи, Хавоси I, Хавоси II, Каландар-хона, Ургути, Шахрисабзи, Тошканди I (Абул-Касим), Тошканди II (Ариф Джамбай), Тошканди III (Фони), Тошканди IV (Баланд-Купрук), которые просуществовали до начала XX в.

Каждый гузар имел свою мечеть и хаузы — основной источник питьевой воды.

Переселенцы из Ташкента были размещены главным образом в Сузангаранской части, из Ферганской долины — в Хайрабадской, из Заamina, Ургута, Шахрисабза

и других мест — в Каландар-хонинской части.

Этнический состав населения Самарканда был весьма пестрым. В городе жили узбеки, таджики, каракалпаки, иранцы, арабы, индусы, дунганы, уйгуры, евреи, армяне, местные цыгане (люли) и др. В окрестностях Самарканда обитали казахи, поселившиеся здесь еще в 20-е годы XVIII в.

Число гузаров быстро росло, и в состав города вошла Ходжа-Ахрарская часть (на юго-западе). Всего к началу XIX в. в Самарканде насчитывалось 96 гузаров, в том числе: в Каландар-хонинской части — 20 (из них 7 возникли в X—XV вв., 8 — в конце XVIII в. и 5 — в начале XIX в.), в Хайрабадской — 20 (из них 3 возникли в X—XV вв., 8 — в конце XVIII в. и 9 — в начале XIX в.), в Сузангаранской — 25 (из них 7 возникли в конце XVIII в. и 18 — в начале XIX в.), в Ходжа-Ахрарской — 31 (из них 2 — в X—XV вв., остальные — в начале XIX в.). В начале XIX в. возникло 63 гузара: Ямини II, Шарбатдор, Чанговли, Шох-Каш, Кози-Гафур, Обимашад, Боги-Майдон I, Боги-Майдон II, Боги-Майдон III, Таги-Шур, Кок-Мачит, Юсуф-бой, Суфи-Розик, Янги-Хайрабад, Ходжа-жон-ходжа, Хаузи-Баланд, Мулиен I, Мулиен II, Мулиен III, Кафтар-хона, Раджаб-Амин, Кози-Абдираул, Иброгим-Ходжа, Хонако, Мадрасан Сафед, Ходжа Нисбатдар, Ургути I, Каболои I, Каболои II, Намозгох I, Намозгох II, Пули-мирзо, Бустана-хон, Мотриди, Ходжа-кишлок, Курганча, Лаби-гор, Булбулак, Эски-Командар-хона, Пули-сафед, Кулолон, Дегча-бирьен, Рухобот, Гур-Эмир, Хон-Саид-имом, Луччакон, Вай-сул-Кара, Юсуф-Харрот, Амушмухаммад, Кулба I, Кулба II, Даниербек, Мулокаландар I, Мулокаландар II, Чакар, Тали-Регак I, Тали-Регак II, Тали-Регак III, Нуробод, Лолзор I, Лолзор II, Лолзор III.

Микротопонимика Самарканда конца XVIII — начала XIX в. ярко отражала историю города. Названия гузаров были прежде всего тесно связаны с жизнью и деятельностью ремесленников: Заргарон (золотых дел мастера), Сузангарон (мастера, делающие иголки), Чармгарон (кожевники), Харротон (токари по дереву), Кулолон (горшечники), Зингарон (мастера по